

«Славянская гексаглотта» как социокультурный и языковой эксперимент русских славянофилов конца XIX в.

В статье рассматриваются социолингвистические причины возникновения принадлежавшего П. А. Гильтебрандту проекта издания Нового Завета на шести славянских языках и его неудачи; определяется роль этого проекта в славянофильской общественно-политической и филологической программе; идентифицируются издания новозаветных переводов на разные славянские языки, использованные в напечатанном фрагменте гексаглотты; характеризуются языковые особенности этих переводов. Представленные параллельно с церковнославянским и русским, болгарский, сербский, чешский и польский евангельские переводы были призваны актуализовать «общеславянскую» кирилло-мефодиевскую традицию и реализовать славянофильскую идею объединения славян на основе единства церковного языка. Из всех запланированных изданий состоялась лишь церковнославянско-чешская диглотта, языковые особенности которой дают основания оценивать филологический статус проекта как претензию на альтернативные «конвергентные» кодификации литературных славянских языков. Сходство с языковой программой проекта обнаруживает также русский перевод Нового Завета К. П. Победоносцева.

Ключевые слова: Новый Завет, переводы, славянские языки, церковнославянский язык, кирилло-мефодиевское наследие, славянофильство.

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.2.02

Отмечавшийся славянами в 1863 г. тысячелетний юбилей Моравской миссии благодаря усилиям русских филологов славянофильского толка не только стал стимулом для публикации первоисточников и исследований, связанных с начальной эпохой славянской письменности, но и придал изучению кирилло-мефодиевского наследия церковный и политический статус. Символично соединившееся с празднованием тысячелетия России в 1862 г., наступившее на следующий год тысячелетие славянской азбуки было ознаменовано, прежде все-

го, возобновлением церковного почитания св. Кирилла и Мефодия. Поскольку древнейшая служба первоучителям славянским в XVII в. не вошла в состав официального печатного месяцеслова 1682 г., епископом Смоленским Антонием была составлена новая служба, одобренная Синодом и напечатанная в Москве и Белграде (Филарет 1969: 42–43). 11 мая 1862 г. эта служба была впервые совершена в России, и в домовом храме Московского университета состоялись первые торжества. В 1863 г. указом Святейшего Синода 11 мая было объявлено днем празднования памяти солунских братьев. В 1869 г. в честь тысячелетия кончины св. Кирилла состоялись очередные торжества, церковные и общественные, а празднование тысячелетия кончины св. Мефодия в 1885 г. носило уже характер не только государственный, но общеславянский и, шире, общехристианский. Россия оказалась во главе славянских торжеств, прошедших также в Австро-Венгрии, Сербии, Болгарии и Черногории (Поповкин 2009). Инициированные Святым престолом празднования для славян-католиков в Велеграде, состоявшиеся ранее¹, были восприняты в России негативно вследствие отказа от службы по-славянски и способствовали усилению антикатолической риторики (Белякова, Токарева 2015: 90–94).

Обращение к памяти славянских первоучителей на церковном, политическом и государственном уровне включало в себя и филологическую составляющую: язык был признан основным объединяющим славян фактором, единство старо-, а затем церковнославянского языка было призвано преодолеть взаимную неприязнь некоторых славянских народов. В 1865 г. под редакцией М. П. Погодина был издан «Кирилло-Мефодиевский сборник» (Кирилло-Мефодиевский сборник 1865), в котором были опубликованы и первоисточники, и статьи самого Погодина, И. С. Аксакова, Ф. И. Буслаева, А. Е. Викторова, А. Ф. Гильфердинга, А. А. Горского, К. И. Невоструева, С. А. Соболевского, трактовавшие миссию солунских братьев в ангажирован-

¹ Празднествам предшествовал выход 30 сентября 1880 г. посвященной славянским первоучителям энциклики папы Льва XIII *Grande typus*, которая была адресована славянам-католикам и объявляла 5 июля в календаре вселенской Римской Церкви праздником свв. Кирилла и Мефодия. Сами Велеградские торжества, собравшие поляков, чехов, моравян, словаков и лужичан, носили характер альтернативного российскому объединению славян. Однако славянская литургия в Велеграде так и не состоялась: служба прошла на латыни, и лишь похвала Богородице была пропета по-чешски (Поповкин 2009).

но-политическом ключе и проводившие очевидные аналогии между объединением славян посредством языка Кирилла и Мефодия и необходимостью подобного же объединения через тысячу лет. Погодин даже назвал свою статью «Окружное послание к славянам» (Погодин 1865), что недвусмысленно отсылало к «Окружному посланию» патриарха Фотия восточным патриархам 867 г. (Фотий 1999), и в этой статье, сетуя на распри между славянами, роль объединителя прочил России и русскому языку.

К моменту празднования юбилейного «мефодиевского» года П. А. Гильдебрандтом была разработана программа издания «общеславянского» Священного Писания на базе Санкт-Петербургской синодальной типографии. Эта программа была изложена в записке, поданной в 1885 г. на имя обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева и озаглавленной «Чем и как Святейший Синод должен почтить тысячелетнюю годовщину Мефодиева дня?»². В качестве юбилейного издания Гильдебрандт предлагал издать по одной главе каждой из 27 книг Нового Завета на 7 языках: греческом, церковнославянском, русском, болгарском, сербском, польском и чешском. При этом для польского и чешского была оговорена целесообразность использования чешского Нового Завета 1475 г. и краковской Библии Яна Леополиты 1561 г. соответственно, и к каждому из текстов предполагалось присоединить «русскую» транслитерацию на основе общеславянской азбуки А. Ф. Гильфердинга, изданной в 1871 г. Последняя была составлена на базе русского гражданского алфавита с добавлением нескольких дополнительных знаков.

Помимо общеславянской азбуки изданный Славянским благотворительным комитетом труд Гильфердинга содержал два фрагмента Евангелия от Матфея (Мт. 20) и Иоанна (Ин. 15; 26), опубликованных параллельно на разных славянских наречиях и в общеславянской транслитерации (Гильфердинг 1871). Евангельские тексты были напечатаны Гильфердингом по-разному: болгарский был признан совершенно удовлетворяющим общеславянскому правописанию и повторял константинопольское издание Нового Завета 1866 г., церковнославянский был представлен древним текстом (Остромировым Евангелием 1056–1057 гг.) и текстом неуказанного издания XIX в. Все остальные тексты были напечатаны параллельно в национальной орфографии и на «всеславянской» азбуке: сербский — по изданию перевода Вука Караджича 1867 г. в Пеште, хорватский (чакавский) — по венециан-

2 Издано в: (Кравецкий 2013: 241–244).

скому изданию 1586 г., «словено-хорватский» (кайкавский) — по загребскому изданию 1807 г., словенский — по люблянскому изданию 1856 г., «угро-словенский» — по изданию 1847 г. в Кёсеге, чешский — по пражскому изданию 1868 г. (готическим шрифтом) и венскому изданию 1866 г. (в современной графике), серболужицкий — по берлинским изданиям 1859 г. (верхнелужицкий) и 1860 г. (нижнелужицкий) (оба готическим шрифтом), польский — по берлинскому изданию 1866 г., для словацкого текста издание указано не было.

Предложенное Гильтебрандтом в 1885 г. издание фрагментов Евангелия на семи языках, таким образом, уже имело прецедент. Однако «годовщинным», хотя и программным, изданием Гильтебрандт не предполагал ограничиться: с одной стороны, он намеревался «соблюсти доброе завещание» Кирилла и Мефодия, с другой — «снять часть обузы» с Британского библейского общества. Во исполнение второй задачи было запланировано издать весь Новый Завет на четырех языках (болгарском, сербском, польском и чешском) с прибавлением к каждому изданию церковнославянского и русского текстов. Это должны были быть, по Гильтебрандту, четыре серии трехязычных изданий, т.е. церковнославянско-русско-болгарское, церковнославянско-русско-сербское, церковнославянско-русско-польское, церковнославянско-русско-чешское. Использовать эти издания, по-видимому, предполагалось у славян, проживавших как в России, так и за ее пределами³.

Проект славянской полиглотты был поддержан К. П. Победоносцевым и передан в Министерство народного просвещения. Однако планировавшееся первым и считавшееся особенно важным издание славяно-русско-польской триглотты не состоялось: Варшавский учебный округ идею поддержал и предложил издать и церковнославянско-русско-литовскую триглотту, однако Виленский учебный округ дал резко отрицательный отзыв, мотивированный опасениями колонизации края и католизации православных (Кравецкий 2013: 246). Тем не менее в 1891 г. в «Славянском календаре» был напечатан подготовленный П. А. Гильтебрандтом образец «Славянской гексаглот-

³ «Для распространения этих изданий в местах болгарских, сербских, чешских и т. д. существует целая дружина из крестьян-ходебщиков Орловской или Калужской губернии. Эта дружина существует уже три или четыре года и ведет свое дело очень успешно, распространяя синодальные и другие русские издания по славянским землям» (цит. по: Кравецкий 2013: 243).

ты» — Пасхального Евангелия (Ин. 1:1–17) на церковнославянском, русском, болгарском, сербском, чешском и польском языках, за которым следовал набранный глаголицей церковнославянский фрагмент Евангелия и составленная А. Ф. Гильфердингом двумя десятилетиями ранее «Азбука славянских наречий» на кириллической основе (Гильтебрандт 1891).

Что представляли собой эти тексты с лингвистической точки зрения и какие источники были для них использованы? Как и в случае с текстами на общеславянской азбуке в издании Гильфердинга, для этой презентационной публикации Гильтебрандт воспользовался уже готовыми славянскими переводами (однако, в отличие от Гильфердинга, не указав источники). Русский был представлен вышедшим впервые в издании 1860 г. Синодальным переводом⁴. Следующий за ним болгарский текст воспроизводился в переводе Петко Славейкова, сделанном с церковнославянского языка и впервые изданном в Константинополе в 1866 г. (Новый Завет)⁵, а затем в 1871 г. (Ветхий и Новый Завет). В отличие от перевода Неофита Рыльского 1840 г., ориентированного на македонский (юго-западноболгарский) диалект (Иванова 2006), Славейков опирался на восточноболгарский языковой узус (Иванова 1996). Перед публикацией текст Славейкова был отредактирован и согласован с переводом Рыльского, в итоге оказался весьма удачным и много раз переиздавался до появления Синодального болгарского перевода в 1925 г. Переведенный с греческого болгарский текст Славейкова идеально подходил для целей панславянской триглотты. Оформление этого текста (орфография с юсом большим, ятем, фитой, членными формами через дефис) и его языковые характеристики максимально подчеркивали преимущество нового болгарского литературного языка по отношению к церковнославянскому (в издании 1867 г. болгарский текст был напечатан параллельно с церковнославянским). Немаловажным, по-видимому, было и то, что Славейков учитывал и русский перевод Нового Завета, подготовленный и изданный РБО в 1822 г. (Иванова 2010). В издании Гильтебрандта перевод Славейкова не претерпел никаких изменений, за исключением одного текстового исправления — в Ин. 1:9 в соответствии с церковнославянским текстом удалено местоимение *той*.

4 В 1860 г. было издано Четвероевангелие, в 1862 г. — Апостол. Полный русский синодальный перевод Библии был напечатан в 1876 г.

5 В 1867 г. в Нью-Йорке вышло двуязычное церковнославянско-болгарское издание этого текста.

Сербский текст был напечатан в переводе Вука Караджича без каких-либо изменений. Как известно, Караджич перевел Новый Завет по заданию Российского библейского общества очень быстро, всего за полгода, закончив его в 1820 г. Однако опубликован текст был лишь через 27 лет⁶, поскольку первоначально получил отрицательные отзывы со стороны консервативных сербских церковных властей (Гудков 1999). В течение всего этого времени Караджич несколько раз редактировал текст (сохранилось по крайней мере четыре рукописи перевода со следами исправлений) (Мошин 1974: 604). Исправления эти имели эволюционный характер: Караджич постепенно отказался от идеи абсолютного доминирования народного языка как основы литературного и развернул последний в сторону историзма и традиции. В язык перевода был внесен довольно существенный ряд фонетических, грамматических, лексических, синтаксических и стилистических изменений, которые вернули определенную преемственность нового сербского языка по отношению к книжному языку XVI–XVIII вв., а тем самым и сблизили сербский с опирающимися на книжно-письменную традицию другими славянскими литературными языками (Тяпко 2002: 206–210). Права на издание перевода Караджича были приобретены Российским библейским обществом, которое многократно текст переиздавало. Как и в болгарском случае, где переводу Славейкова предшествовал славяно-болгарский вариант Нового Завета Неофита Рыльского, переводу Караджича было отдано предпочтение перед альтернативным славяно-сербским переводом Афанасия Стойковича (изданным в 1824 г. РБО, однако затем запрещенным российскими властями).

Чешский текст представлен Кралицкой Библией, впервые вышедшей в шеститомном издании 1579–1593 гг. (Новый Завет — 1593–1594 гг.), затем в однотомном издании 1596 г. Третье, отредактированное издание 1613 г. легло в основу многочисленных последующих переизданий: так, с 1800 до 1885 г. вышло как минимум 29 изданий (Dittman 2012: 310–312). К текстовым поправкам, как и в болгарском переводе, относится отказ от местоимения *tentot'* в Ин. 1: 9 (его нет и в остальных переводах — церковнославянском, русском, сербском и польском). Так же как в русском и болгарском переводах, в чешском

⁶ Один из экземпляров первого издания сербского Нового Завета 1847 г. с дарственной надписью был подарен В. Караджичем М. П. Погдину. С последним Караджич тесно общался, приобретал книги для его собрания.

тексте выделены курсивом слова «для ясности и связности речи»⁷. К таким случаям относятся чтения Ин. 1: 8 *poslan byl* и Ин. 1: 12 *totiž* (см. ниже в таблице): этих чтений нет в чешских библейских изданиях XIX в., однако первое из них присутствует как в русском Синодальном переводе, так и в первом издании Кралицкой Библии, а второе совпадает с курсивным чтением *сирьчь* в болгарском тексте Славейкова. Таким образом, налицо стремление Гильтебрандта к определенной «гармонизации» текста всех славянских переводов, а также к распространению на них принципов издания Синодального русского текста.

Польский текст представлен Библией Якуба Вуйка 1599 г. (Новый Завет отдельным изданием вышел в 1593 г.). Библия Вуйка в течение 300 лет была для поляков каноническим католическим переводом с латыни (но с привлечением также греческого текста), выдержавшим за это время около 20 переизданий. На протяжении XIX в. Новый Завет в переводе Вуйка неоднократно выходил отдельным изданием или в составе полной Библии как в Российской империи, так и за ее пределами (в Германии, Австрии, Северной Америке) (Smereka 1950). Так, с началом деятельности РБО в 1813 г. Новый Завет был издан в 1815 г. в Петербурге, в 1819 г. в Москве, в 1821 г. в Варшаве, полная Библия вышла в Москве в 1821–1822 г. Польский текст в публикации Гильтебрандта идентичен ближайшим по времени варшавским изданиям Библии с иллюстрациями Г. Доре (1873–1874 гг., переиздано в 1878 г.)⁸.

Таким образом, для публикации гексаглотты Гильтебрандта никаких новых переводов на славянские языки сделано не было. Более того, кажется весьма вероятным, что Гильтебрандт обратился именно к тем изданиям, которые уже были использованы филологами славянофильского или панславянского толка. В частности, в вышедшей впервые в 1877 г. работе Ф. В. Ржиги «Сравнительные этимологические таблицы славянских языков», представлявшей собой один из первых опытов сравнительной грамматики славянских языков, среди привлеченных текстов на первом месте, еще перед памятниками письменности, были перечислены издания Нового Завета: болгарский Новый Завет в константинопольском издании 1872 г., сербский Новый

⁷ Таким способом не соответствующие буквально греческому оригиналу слова были обозначены переводчиками Синодального русского издания 1876 г. Эта разметка оставлена в неприкосновенности в последующих переизданиях. Болгарский перевод П. Славейкова также использует этот прием.

⁸ (Pismo Święte 1873–1874).

Завет в будапештском издании 1867 г., пражский Новый Завет 1851 г. и польский Новый Завет в берлинском издании 1870 г. (Ржига 1878: IV).

Для обоих выбранных Гильтебрандтом южнославянских языков были использованы последние по времени и наиболее удачные с лингвистической точки зрения библейские переводы, которые очевидно указывали на их преемственную связь с церковнославянским. Публикация болгарского и сербского текстов параллельно с церковнославянским и русским должна была наглядно показать и синхронную связь этих языков с русским.

В случае с западнославянскими текстами, которые уже имели свою более чем трехсотлетнюю традицию, такая связь вовсе не была очевидной для читателя — носителя как чешского или польского языков, так и русского. В связи с этим русские апологеты панславизма возлагали определенные надежды на универсальную славянскую азбуку, несколько вариантов которой в это время появилось. Предпочтение при этом отдавалось, конечно, азбуке на основе русской кириллицы, и поэтому в публикации Гильтебрандта после Евангелий следовала таблица такой азбуки в версии Гильфердинга, созданной в 1871 г.

Все славянские тексты были в определенной степени «гармонизированы»: несмотря на текстуальные и лингвотекстологические различия, связанные с различными источниками славянских переводов, была предпринята попытка согласовать тексты между собой. За образец оформления был взят русский Синодальный перевод: ему полностью следуют пунктуация, использование прописных букв во всех славянских текстах, а также принцип курсивного выделения смысловых, но дословно не соответствующих оригиналу переводов. Можно допустить, что проект предполагал в дальнейшем более существенную лингвотекстологическую работу со славянскими евангельскими переводами, чем в программной публикации (ср. ниже в таблице чешский перевод Н. П. Апраксина).

Эти далеко идущие планы объединения славян через язык, причем через язык церковный, который в XIX в. еще в полном согласии со средневековым представлением мыслился как репрезентация образцового литературного языка, сегодня выглядят изначально утопичными. Проект в задуманном Гильтебрандтом виде в итоге так и не был реализован, но за одним исключением. И это исключение дает некоторые основания думать, что определенные шансы на воплощение в жизнь у славянофильской идеи «языка межславянского общения» и «взаимно-славянской конвергенции» всё же были.

Единственным реализованным проектом стала славяно-чешская диглотта — двуязычный текст Нового Завета, изданный Синодальной типографией в Санкт-Петербурге в двух томах (1892–1897 гг.) параллельно на чешском и церковнославянском языках. Издание было подготовлено протоиереем Н. П. Апраксиным, настоятелем русской церкви в Праге, который отредактировал чешский текст, сверив его с церковнославянским, греческим и старшими чешскими переводами (Новый Заветъ 1897).

Поставленная Гильтебрандтом задача сближения славянских языков через возвращение к общему письменному наследию была осуществлена Апраксиным с помощью Кралицкой Библии 1579–1594 гг., ставшей наряду с католическим изданием Библии 1864 г. чешским источником переводчика, и современного Апраксину церковнославянского текста, напечатанного в издании параллельно с новым чешским переводом, который сам Апраксин назвал «русским»⁹.

Перевод Апраксина получил исключительно положительные отзывы как в Чехии, так и в России: в 1898 г. в обеих странах были опубликованы рецензии на этот труд, авторы которых единодушно отмечали лингвистические достоинства нового чешского перевода и, в духе идей славянского единения через язык, указывали на важность церковнославянского посредства для взаимопонимания чехов и русских. Знарок чешской библейской традиции Я. Карафиат, выпустивший в 1887 г. критическое издание Кралицкой Библии, написал восторженную рецензию, в которой признал превосходство «русского» перевода Апраксина над кралицким текстом (Karafiát 1898: 43–46). Анонимный русский рецензент в журнале «Христианское чтение» указывал, что для чехов церковнославянский язык оказывается ближе, чем русский, по «корнепроизводству и отчасти этимологии», а для русских параллельный текст «открывает богатые сокровища чешского языка, сохранившего общеславянские корни слов» (А. В. 1898: 126–127). Таким образом, поставленная Гильтебрандтом и реализованная Апраксиным задача актуализации «общеславянской» кирилло-мефодиевской традиции была прочитана и воспринята бо-

⁹ В фондах Национального музея в Праге хранится рукописный текст Н. П. Апраксина, содержащий выписки из чтений «кралицкого», «католического» и «русского» текста, расположенные последовательно в трех столбцах. Текст представляет большой интерес как с точки зрения принципов перевода, так и в отношении использованного католического чешского издания: (Apraksin 1897).

лее чем адекватно. Новый Завет в переводе Апраксина изначально предназначался для чехов, переселившихся на Волынь в 1860-е гг. и перешедших в православие (Vaculík 1997). Однако вскоре этот текст стал востребован Чешской православной церковью, уже в XX в. был переиздан и ныне имеет официально признанный статус канонического текста для чехов, исповедующих православие.

«Русский» чешский перевод представляет собой последовательную, целенаправленную церковнославянскую интерференцию на различных языковых уровнях (прежде всего и больше всего на лексическом уровне), результаты которой призваны вернуть в чешский литературный язык его изначальную близость к церковнославянскому и наглядно эту близость «визуализовать» с помощью параллельного представления славянских текстов. При этом эта намеренная интерференция не является внесением чужеродного в чешский язык, так как Апраксин очень осмысленно и языкотворчески использует возможности именно чешского языка: если речь идет о лексике, то он выбирает для своего перевода соответствующие церковнославянскому однокоренные синонимы, которые присутствуют либо в современном, либо в старочешском языке (Вернер 2018: 99–101).

На уровне грамматики и синтаксиса влияние церковнославянского языка представлено не столь сильно, однако и здесь можно выделить не просто единичные формы, уподобленные церковнославянским, но довольно последовательно представленные тенденции. «Открытыми» для церковнославянского влияния выступают «смежные» грамматические формы, имеющие общее происхождение, но различающиеся на синхронном уровне объемом реализуемых в них грамматических категорий и/или статусом в системе литературного языка.

Это своего рода «конвергентный» перевод, реализующий собой попытку возвращения к идеалу единого славянского литургического языка и к общему для славян кирилло-мефодиевскому наследию. Лингвистически он очень удачно воплотил в себе идею реставрации в чешском литературном языке «общеславянской» традиции, с одной стороны, а с другой, стал «перспективной» попыткой предложить вариант складывающегося литературного чешского языка как консервативно ориентированного «славянизированного» чешского.

Ин. 1: 1–17			
Церковнославянский текст в изданиях П. А. Гильтебрандта и Н. П. Апраксина	Русский Синодальный текст в издании П. А. Гильтебрандта	Чешский текст в издании П. А. Гильтебрандта	Чешский текст в издании Н. П. Апраксина
Въ началѣ вѣ Слово, и Слово вѣ къ Бѣ, и Бѣ въ Слово.	1 Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ.	1 Na počátku bylo Slovo, a to Slovo bylo u Boha, a to Slovo byl Bůh.	1 Na počátku bylo Slovo, a Slovo bylo u Boha, a Bůh bylo Slovo.
Ѣ. Сѣи вѣ иконѣ къ Бѣ:	2 Оно было в началѣ у Бога:	2 To bylo na počátku u Boha:	2 To bylo na počátku u Boha:
Г. всѣ Тѣмъ выша, и безъ Него ничтоже высть, еже высть.	3 все чрезъ Него начало быть, и безъ Него ни что не начало быть, что начало быть.	3 všecky věci skrze Ně učiněny sou, a bez něho nic není učiněno, což učiněno jest.	3 všecko skrze Ně učiněno jest, a bez Něho nic není učiněno, což učiněno jest.
Д. Въ Тѣмъ живѣтъ вѣ, и живѣтъ вѣ свѣтъ чловѣкъмъ;	4 Въ Немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ чловѣкъмъ;	4 V Něm život byl, a život byl světlo lidí;	4 V Něm život byl, a život byl světlo lidí;
Е. и свѣтъ во тмѣ свѣтитса, и тма егѣ не ѡбѣтъ.	5 и свѣтъ во тмѣ свѣтитъ, и тма не ѡбъяла его.	5 a to Světlo v temnostech svítí, ale tmy ho neob-sáhly.	5 a Světlo ve tmě svítí, a tma ho neobjala.
Ж. Высть чловѣкъ посланъ ѡ Бѣ, и ма емя ѡианъ:	6 Былъ чловѣкъ, посланный отъ Бога, имя ему Иоаннъ;	6 Byl člověk poslaný od Boha, jemuž jméno bylo Jan;	6 Byl člověk poslaný od Boha, jméno mu Jan:
З. сѣи прѣде во свидѣтельство, да свидѣтельствоетъ ѡ Свѣтѣ, да вси вѣрѣ имѣтъ емя.	7 онъ пришелъ для свидѣтельства, чтобы свидѣтельствовать о Свѣтѣ, дабы всѣ увѣрвали чрезъ него.	7 ten přišel na svědectví, aby svědčil o tom Světle, aby všickni uvěřili skrze Něho.	7 ten přišel na svědectví, aby svědčil o Světle, aby všickni uvěřili skrze něho.
И. Не вѣ той свѣтъ, но да свидѣтельствоетъ ѡ Свѣтѣ:	8 Онъ не былъ свѣтъ, но былъ посланъ, чтобы свидѣтельствовать о Свѣтѣ:	8 Nebyl on to Světlo, ale poslán byl, aby svědectví vydával o tom Světle.	8 Nebyl on Světlo, ale poslán byl, aby svědectví vydal o Světle:

<p>ѡ. вѣ Свѣтъ истинный, Иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядѣщаго въ миръ:</p>	<p>9 былъ Свѣтъ истинный, Который просвѣщаетъ всякаго чело­вѣка, приходящаго въ миръ:</p>	<p>9 Bylo to pravé Světlo, Kteréz osvĕcuje každého človĕka, přicházejícího na svět:</p>	<p>9 bylo Světlo pravé, Kteréz osvĕcuje každého človĕka, přicházejícího na svět;</p>
<p>Ѡ. въ мирѣ вѣ, и мирѣ Тѣмъ бысть, и мирѣ Сго не позна:</p>	<p>10 въ мирѣ былъ, и миръ чрезъ Него началъ быть, и миръ Его не позналъ:</p>	<p>10 na světě byl, a svět skrze Něho učinĕn jest, ale svět Ho nepoznal:</p>	<p>10 na světě byl, a svět skrze Něho učinĕn jest, a svět Ho nepoznal;</p>
<p>ѡ. во своѡ прїиде, и свои Сго не прїаша.</p>	<p>11 пришелъ къ своимъ, и свои Его не приняли.</p>	<p>11 do svého vlastního přišel, a vlastní Jeho nepřijali Ho.</p>	<p>11 do vlastního přišel, a svoji Ho nepřijali.</p>
<p>ѡ. Слицы же прїаша Сго, даде имъ владеть чадами Бжїимъ быти, вѣрѡущымъ во имя Сго,</p>	<p>12 А тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, далъ власть быть чадами Божиими,</p>	<p>12 Kteříž pak koli přijali Jej, dal jim moc syny Božími býti, totiž těm, kteříž věří ve jméno Jeho,</p>	<p>12 Kteříž pak koli přijali Ho, dal jim moc syny Božími býti, těm, kteříž věří ve jméno Jeho,</p>
<p>ѡ. Иже не ѡ кровѣ, ни ѡ похоти плѡтскѡ, ни ѡ похоти лижескѡ, но ѡ Бга родишася.</p>	<p>13 которые не отъ крови, ни отъ хотѣнїа плоти, ни отъ хотѣнїа мужа, но отъ Бога родились.</p>	<p>13 kteříž ne ze krve, ani z vůle těla, ani z vůle muže, ale z Boha zplozeni sou.</p>	<p>13 kteřížto ne z krve, ani z vůle těla, ani z vůle muže, ale z Boha rozeni jsou.</p>
<p>ѡ. И Слово плѣть бысть, и вселисѡ въ ны, и видѣхомъ славѣ Сго, славѣ ѡакѡ Сдинороднаго ѡ Оца, исполнь вѣсти и истины.</p>	<p>14 И Слово стало плотию и обитало съ нами, полное благодати и истины; и мы видѣли славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ Отца.</p>	<p>14 A Slovo to tělo učinĕno jest, a přebývalo mezi námi, a vidĕli sme slávu Jeho, slávu jakožto Jednorozeného od Otce, plné milosti a pravdy.</p>	<p>14 A Slovo tělem učinĕno jest a přebývalo mezi námi, plné blahodati a pravdy, i vidĕli jsme slávu Jeho, slávu jakožto Jednorozeného od Otce.</p>

<p>ѣ. ѿѡаннѣ свидѣтельствѣеть ѡ Нѣмѣ и възвѣа глагола: Сѣи вѣѣ, ѣгоже рѣхъ: Ѣже по мнѣ градый предо мною вѣеть, ѣкѡ перѣе мнѣ вѣѣ:</p>	<p>15 Иоаннь свидѣтельствуєтъ о Немѣ и восклицая говорить: Сѣи был Тотѣ, о Ко- торомъ я сказалъ, что Идущій за мною сталь впе- реди меня, потому что былѣ прежде меня.</p>	<p>15 Jan svědectví vydával o něm, a volal řka: Tentot' jest, o Němž jsem pravil, že po mně přišed předšel mne, nebo přednější jest než já;</p>	<p>15 Jan svědčí o Něm a zvolal, řka: Tentot' byl, o Němž jsem pravil: Kterýž po mně jde, přede mnou byl, nebo prvnější byl nežli já.</p>
<p>ѣ. и ѡ исполненіа ѣго мы вси пріахомѣ и вѣгъ воз вѣгъ;</p>	<p>16 и отъ полноты Его всѣ мы приня- ли и благодать на благодать;</p>	<p>16 a z plnosti Jeho my všickni vzali sme, a to milost za milost;</p>	<p>16 A z plnosti Jeho my všickni vzali jsme, i blahodat' nad bla- hodat':</p>
<p>ѣ. ѣкѡ законѣ Моѡсеомѣ данѣ вѣеть; вѣгъ (же) и ѣстина Ѣсѣ Хрѣомѣ вѣеть.</p>	<p>17 ибо законъ данъ черезъ Моисея; бла- годать же и истина произошли черезъ Иисуса Христа.</p>	<p>17 nebo zákon skrze Mojžiše dán jest, ale milost a pravda skrze Ježíše Krista stala se.</p>	<p>17 nebo zákon skrze Mojžiše dán byl, blaho- dat' pak a pravda skrze Ježíše Krista se stala.</p>

Еще одним опытом преломления идей возвращения к общеславянскому прошлому в рамках отдельно взятой национальной традиции можно считать труд К. П. Победоносцева, инициировавшего в 1892 г. редактирование Синодального русского перевода Нового Завета (Победоносцев 1892), а в 1906 г. опубликовавшего собственный перевод (Победоносцев 1906)¹⁰. В предисловии к этому изданию декларирован принцип сближения русского евангельского текста с церковнославянским, а применение этого принципа на лексическом уровне обнаруживает сходство с переводческой практикой Апраксина в «русском» чешском переводе: Победоносцев расширяет сферу употребления тех русских лексем, которые по происхождению являются церковнославянизмами и имеют статус устаревших, книжных и поэтических (Алексеев 2002; Реморова 2017). Победоносцев использует церковнославянизмы не только на лексическом, но и на всех остальных языковых уровнях.

¹⁰ Репринтное переиздание осуществлено в 2000 г. Российским библейским обществом.

В своей работе Победоносцев учел оставшийся в рукописи фундаментальный труд профессора Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковского (Глубоковский 1892), созданный в ответ на исходившее от самого Победоносцева предложение отредактировать Синодальный перевод и обстоятельно рассматривавший последний с точки зрения верности греческому оригиналу и соответствия нормам русского языка. До нас дошел и написанный Глубоковским в 1902 г. разбор выполненного Победоносцевым перевода Евангелия от Иоанна (Глубоковский 1902–1903), содержащий конструктивную критику текста (Реморова 2009).

Эти в целом удавшиеся прецеденты создания славянизированных вариантов литературного языка, ставших образцами церковно-книжного стиля, оказались несколько дистанцированы от предлагавшегося Гильтебрандтом издания славянской гексаглотты. Однако, будучи, безусловно, прямым продолжением славянофильских идей церковного книгоиздания, они позволяют взглянуть на проект несколько иначе и считать, что в социокультурной ситуации славянского мира конца XIX в. определенные шансы на успех у этого проекта всё же были.

Источники и литература

А. В. 1898 — *А. В.* Новый Завет Господа Нашего Иисуса Христа на церковно-славянском и чешском языках. Вып. 2: Деяния и послания св. апостолов с Апокалипсисом. СПб. 1897 // Христианское чтение. 1898. № 1. С. 126–127.

Алексеев 2002 — *Алексеев А. А.* Переводы Священного Писания на русский язык // Православная энциклопедия. Т. 5. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 153–161.

Белякова, Токарева 2015 — *Белякова Н. А., Токарева Е. С.* Кирилло-Мефодиевские юбилеи в России и СССР в контексте конструктов национальной и религиозной идентичности в странах славянского мира и выстраивания отношений с католицизмом // Научный диалог. Екатеринбург, 2015. № 1 (37). С. 85–94.

Вернер 2018 — *Вернер И. В.* Чешская Библия в истории русской культуры и письменности и vice versa: чешско-церковнославянский Новый Завет Н. П. Апраксина 1892–1897 гг. // Славяноведение. 2018. № 2. С. 94–109.

Гильтебрандт 1891 — *Гильтебрандт П. А.* Славянская гексаглотта, или Библия на шести славянских языках // Славянский календарь на

1891 год. Издание Санкт-Петербургского благотворительного братства. Петроград, 1891. С. 161–167.

Гильфердинг 1871 — *Гильфердинг А. Ф.* Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. СПб.: Слав. благотвор. ком. на счет суммы, пожертв. И. А. Посоховым, 1871. СХХХ с.

Глубоковский 1892 — *Глубоковский Н. Н.* Общие указания по вопросу об исправлении славянского и русского переводов Нового Завета и замечания на славяно-русский текст Евангелия от Матфея; Евангелия от Марка; Евангелия от Луки; Евангелия от Иоанна. РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 55. 1892 г.

Глубоковский 1902–1903 — *Глубоковский Н. Н.* <На перевод Победоносцева>. РНБ. Ф. 194. Ед. хр. 53. <1902–1903>. Л. 6–17.

Гудков 1999 — *Гудков В. П.* Из истории сербских переводов и изданий Нового Завета // Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 19–21.

Иванова 1996 — *Иванова Д.* Славейковата Библия (1871) и руският евангелски превод през XIX в. // Пловдивски ун-т «Паисий Хилендарски». Научни трудове: Филология. 1996. Т. 34. Кн. 1. С. 103–110.

Иванова 2006 — *Иванова Д.* Неофитовият превод на Новия завет в контекста на книжовноезиковите процеси през Възраждането // Специализиран портал Liternet. URL: https://liternet.bg/publish17/d_ivanova/neofitoviat.htm (дата обращения: 20.03.2020).

Иванова 2010 — *Иванова Д.* Русские издания Библии и болгарская традиция перевода Библии в эпоху Возрождения // Болгария и Россия (XVIII–XX век): взаимопознание / ред. Г. Д. Гачев, Р. Дамянова. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 191–201.

Кирилло-Мефодиевский сборник 1865 — Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный, по определению Московского общества любителей русской словесности, М. Погодиным, в Синодальной типографии. М., 1865. 555 с.

Кравецкий 2013 — *Кравецкий А. Г.* Петербургские полиглотты конца XIX века / Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка 2012–2013. М.: Древлехранилище, 2013. С. 241–244.

Мошин 1974 — *Мошин В.* Вуков Нови Завјет // *Караџић В. Ст.* Сабрана дела. Књ. 10: Нови завјет. Београд: Просвета, 1974. С. 604.

Новый Заѳтъ 1897 — Новый Заѳтъ Господа нашего Иисуса Христа на церковно-славянскомъ и чешскомъ языкахъ = *Nový Zákon Pána našeho Ježíše Krista na církevně-slovanském i českém jazyce*. Выпускъ 1:

Св. Евангеліе = Svazek 1: Sv. Evangelium. СПб., 1892. Выпускъ 2: Дѣянїя и посланїя св. Апостоловъ съ Апокалипсисомъ = Svazek 2: Skutkové a Epištoly sv. Apoštolů se Zjevením sv. Jana. СПб., 1897.

Победоносцев 1892 — <Победоносцев К. П.> Об исправлении русскаго перевода книг Священнаго Писанїя // Прибавленїя к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. № 33. 1892. СПб.: Синодальная тип., 1892. С. 1129–1130.

Победоносцев 1906 — *Победоносцев К. П.* Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К. П. Победоносцева: Опыт к усовершенствованїю перевода на русскїй языкъ священныхъ книгъ Нового Завета. СПб.: Синодальная тип., 1906. 631 с.

Погодин 1865 — *Погодин М. П.* Окружное посланїе к славянам, 1862 года Марта 25, в день Благовещенїя // Кирилло-Мефодїевскїй сборникъ в память о совершившемся тысячелетїи славянскон писменности и христіанства в Россїи, изданный, по определенїю Московскаго общества любителей русскон словесности, М. Погодиным, в Синодальной типографїи. М., 1865. С. 542–549.

Поповкин 2009 — *Поповкин А.* Мефодїевскїй Юбилей 1885 года в судьбахъ славянскихъ народовъ // Русская народная линия. Православїе. Самодержавїе. Народность. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/analitika/2009/05/23/mefodievskij_yubilej_1885_goda_v_sud_bah_slavyanskih_narodov (дата обращенїя: 20.03.2020).

Реморова 2009 — *Реморова Е. Е.* Н. Н. Глубоковскїй и К. П. Победоносцев: о творческомъ взаимодействїи в деле перевода на русскїй языкъ Нового Завета // Сибирскїй филологическїй журнал. 2009. № 1. С. 125–130.

Реморова 2017 — *Реморова Е. Е.* Евангельскїй переводъ К. П. Победоносцева: о некоторыхъ особенностяхъ словарнаго состава // Вестникъ Волгоградскаго государственнаго университета. Серия 2: Языкознанїе. 2017. Т. 16. № 4. С. 78–88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.6>

Ржига 1878 — *Ржига Ф. В.* Сравнительные этимологическїе таблицы славянскихъ языковъ: древнеславянскаго, русскаго, польскаго, лужицко-сербскаго, чешскаго, словенскаго, сербскаго и болгарскаго. СПб.: тип. Имп. Академїи наукъ, 1878. 244 с.

Тяпко 2002 — *Тяпко Г. Г.* Концепцїи литературнаго языка и переводы Библии у сербовъ, хорватовъ и словенцевъ в XIX веке // Роль переводовъ Библии в становленїи и развитїи славянскихъ литературныхъ языковъ / отв. ред. Л. Н. Смирнов. М., 2002. С. 196–248.

Филарет 1969 — *Филарет (Вахромеев)*. Церковно-богослужбное почитание святых братьев Кирилла и Мефодия в России // Журнал Московской Патриархии. 1969. № 6. С. 51–52; №7. С. 41–46.

Фотий 1999 — *Свт. Фотий, патр. Константинопольский*. Окружное послание / пер. с греч. П. В. Кузенкова // Альфа и Омега. 1999. № 21. Т. 3. С. 57–81.

Apraksin 1897 — *Apraksin Mik. P.* Srovnání odchylek ve třech českých překladech Nového Zákona. Správně textu kralického, katolického a ruského v překladě // Knihovna Národního muzea v Praze. Sign. I B 13. Dar autorův 16.XII.1897.

Dittman 2012 — *Dittman R.* Dynamika textu Kralické bible v české překladatelské tradici. Olomouc, 2012. 431 s.

Karafiát 1898 — *Karafiát J.* Nový Zákona Pána našeho Ježíše Krista na církevně-slovanském i českém jazyce. Petrohrad 1892 a 1897 // Reformované listy. 1898. № 3. S. 43–46.

Pismo Święte 1873–1874 — Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu podług textu łacińskiego Wulgaty / przekład X. Jakóba Wujka, zatwierdzony przez Stolicę Apostolską. Wydanie nowe z objaśnieniami podług J. Fr. Al-lioli, zaaprobowane przez Konsystorz Archidiecezyi Warszawskiej, ozdobione 230 ilustracyami Gustawa Doré. Warszawa: Michał Glücksberg, 1873–1874. [Tom 1]. MDCCCLXXIII [1873]; [Tom 2]. MDCCCLXXIV [1874].

Smereka 1950 — *Smereka W.* Zarys bibliograficzny ważniejszych wydań Biblii Ks. Wujka (1593–1950) // Ruch Biblijny i Liturgiczny. Kraków, 1950. S. 64–91. Rok 3, styczeń-kwiecień 1950, № 1–2.

Vaculík 1997 — *Vaculík J.* Dějiny Volyňských Čechů I. Léta 1868–1914. Praha: Sdružení Čechů z Volyně a jejich přátel, 1997. 211 s.

References

Alekseev, A. A. “Perevody Sviashchennogo Pisaniia na russkii iazyk.” *Pravoslavnaia éntsiklopediia*, vol. 5, 2003, p. 153–161.

Beliakova, N. A., Tokareva, E. S. “Kirillo-Mefodievskie iubileiu v Rossii i SSSR v kontekste konstruktov natsional’noi i religioznoi identichnosti v stranakh slavianskogo mira i vystraivaniia otnosheniĭ s katolitsizmom.” *Nauchnyiĭ dialog*, no. 1 (37), 2015, p. 85–94.

Dittman, R. *Dynamika textu Kralické bible v české překladatelské tradici*. Olomouc, 2012, 431 s.

Gudkov, V. P. “Iz istorii serbskikh perevodov i izdaniĭ Novogo Zaveta.” *Rol' bibleĭskikh perevodov v razvitii literaturnykh iazykov i kul'tury slavian*, ed. by L. N. Smirnov, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 1999, p. 19–21.

Ivanova, D. "Neofitoviiat prevod na Noviiia zavet v konteksta na knizhovnoezikovite protsesi prez Vüzrazhdaneto." *Spetsializiran portal Liternet*, https://liternet.bg/publish17/d_ivanova/neofitoviiat.htm. Accessed: 20 Mar. 2020.

Ivanova, D. "Slaveikovata Bibliia (1871) i ruskiiat evangelski prevod prez XIX v.": *Plovdivski universitet «Paisii Xilendarski». Nauchni trudove: Filologiiia*, 1996, vol. 34, kn. 1, p. 103–110.

Ivanova, D. "Russkie izdaniia Biblii i bolgarskaia traditsiia perevoda Biblii v èpokhu Vozrozhdeniia". *Bolgariia i Rossiia (XVIII–XX vek): vzaimopoznanie*, ed. by G. D. Gachev, R. Damianova, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2010, p. 191–201.

Kravetsky, A. G. "Peterburgskie poliglotty kontsa XIX veka." *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo literaturnogo iazyka 2012–2013*, Moscow: Drevlekhranilishche, 2013, p. 241–244.

Moshin, V. "Vukov Novi Zavjet," *Karadžić V. Ct. Sabrana dela*, knj. 10: Novi zavijet, Beograd: Prosveta, 1974, p. 604.

Popovkin, A. "Mefodievskii lubilei 1885 goda v sud'bakh slavianskikh narodov." *Russkaia narodnaia liniia. Pravoslavie. Samoderzhavie. Narodnost'. Informatsionno-analiticheskaiia sluzhba*, http://ruskline.ru/analitika/2009/05/23/mefodievskij_yubilej_1885_goda_v_sud_bah_slavyanskih_narodov. Accessed: 20 Mar. 2020.

Remorova, E. E. "N.N. Glubokovskii i K.P. Pobedonostsev: o tvorcheskom vzaimodeistvii v dele perevoda na ruskiit iazyk Novogo Zaveta". *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2009, no. 1, p. 125–130.

Remorova, E. E. "Evangel'skii prevod K. P. Pobedonostseva: o nekotorykh osobennostiakh slovarnogo sostava". *Vestnik VolGU, Serii 2, Iazykoznanie*, vol. 16, no. 4, 2017, p. 78–88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.6>.

Smereka, W. "Zarys bibliograficzny wazniejszych wydań Biblii Ks. Wujka (1593–1950)". *Ruch Biblijny i Liturgiczny*, rok 3, styczeń-kwiecień 1950, no. 1–2, s. 64–91, Kraków, 1950.

Tiapko, G. G. "Kontseptsii literaturnogo iazyka i perevody Biblii u serbov, khorvatov i sloventsev v XIX veke". *Rol' perevodov Biblii v stanovlenii i razvitii slavianskikh literaturnykh iazykoved* by L. N. Smirnov, Moscow, 2002, p. 196–248.

Vaculík, J. *Dějiny Volyňských Čechů I. Léta 1868–1914*. Praha: Sdružení Čechů z Volyně a jejich přátel, 1997, 211 s.

Verner, I. V. "Cheshskaia Bibliia v istorii ruskoii kul'tury i pis'mennosti i vice versa: cheshsko-tserkovnoslavianskii Novyi Zavet N. P. Apraksina 1892–1897 gg." *Slavianovedenie*, no. 2, 2018, p. 94–109.

Inna V. Verner

*Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow,
Russia)*

“Slavic hexaglot” as a sociocultural and linguistic experiment of Russian Slavophiles in the late XIXth century

The article discusses the sociolinguistic reasons for the appearance of P. A. Hiltebrandt’s draft publication of the New Testament in the six Slavic languages and its failure. The role of this project in the Slavophile socio-political and philological program is determined; the editions of New Testament translations into various Slavic languages used in the printed fragment of hexaglot are identified; the linguistic features of these translations are characterized. Presented in parallel with Church Slavonic and Russian, gospel translations in Bulgarian, Serbian, Czech and Polish were intended to actualize the “common Slavic” Cyril and Methodius tradition and realize the Slavophile idea of uniting the Slavs based on the common church language. Of all the planned publications, only the Church Slavonic-Czech diglot took place. Its linguistic features give reason to evaluate the philological status of the project as a claim to alternative “convergent” codifications of literary Slavic languages. A similarity with the language program of the project is also found in the K. P. Pobedonostsev’s Russian translation of the New Testament.

Keywords: New Testament, translations, Slavic languages, Church Slavonic language, Cyril and Methodius legacy, Slavophilism.